

У. А. ГУРАЛЬНИК

«СОВРЕМЕННОК» В БОРЬБЕ С ЖУРНАЛАМИ ДОСТОЕВСКОГО

(Идейно-политическое содержание полемики)

Полемика «Современника», органа русской революционной демократии 60-х годов, с журналами так называемых «почвенников» («Время» и «Эпоха», 1861—1865 гг.) — серьезный и поучительный факт идеологической борьбы, развернувшейся в один из важнейших периодов русской истории XIX в. Мимо этой полемики не может пройти ни один из историков и теоретиков литературы, непосредственно или косвенно затрагивающий вопросы, связанные с революционно-освободительным движением шестидесятых годов.

Ленинская постановка вопроса о русских революционных демократах как идейных предшественниках социал-демократии, исторические постановления ЦК ВКП(б) о литературе, доклады товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», его же выступление на философской дискуссии, статьи партийной печати об отношении к литературному наследию прошлого, большевистская оценка творчества и мировоззрения Ф. Достоевского — обязывают советских историков литературы по-новому подвергнуть анализу и полемику «Современника» со «Временем» и «Эпохой», явившуюся открытым столкновением двух враждебных идеологий.

Необходимость в марксистско-ленинском анализе борьбы «Современника» с так называемым «почвенничеством» вызвана прежде всего тем, что изучение опыта этой борьбы может оказать серьезную помощь советской литературной критике в ее утверждении подлинно народной и высокохудожественной реалистической литературы. Некоторые вопросы из числа тех, которые стояли в центре внимания органа революционной демократии в годы его полемики с журналами Достоевского, сохраняют свою актуальность.

Следует напомнить, что на материалы этой полемики, фальсифицируя и подтасовывая факты, ссылались реакционные критики и литературоведы типа А. Вольнского и И. Иванова, предприняв поход против традиций революционной демократии. Они поднимали на щит общественные идеалы Ф. Достоевского, воинствующий философский идеализм Н. Страхова, идеалистический эстетический кодекс Ап. Григорьева, пытаясь залить грязью идейных врагов «почвенничества» — Чернышевского, Добролюбова, Щедрина и боевого, хотя и непоследовательного соратника революционных демократов М. Антоновича.

Большая часть работ о полемике «Современника» со «Временем» и «Эпохой» отличается не только односторонностью и отрывочностью, но и носит на себе следы буржуазного объективизма или вульгарного социологизма. Некоторые советские литературоведы еще совсем недавно пытались, опираясь, в частности, и на ложно истолкованные факты данной полемики, идеализировать Достоевского, а консерватора и иррационалиста Григорьева объявить... образцом для советских литературных критиков. Порочность подобного рода попыток вскрыли «Большевик» и «Культура и жизнь».

Ленин учил обращать внимание на суть дела, а не на фразы, учил умению оценить любую полемику с точки зрения классовых интересов трудящихся, видеть за «полемическими бурями» классовую борьбу, а за каждым лагерем — определенные социальные силы. Ленин учил судить об идеологах «...не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют»¹.

Ленинский принцип партийности требует от исследователя при отборе материала полемики руководствоваться тем, что, несмотря на наличие некоторых оттенков во взглядах отдельных идеологов «почвы», основных сотрудников «Времени» и «Эпохи» объединяла одна идейная платформа: их сближала ненависть к революционно-демократической идеологии. В свою очередь руководящие деятели «Современника» — Щедрин и Антонович в годы, последовавшие за арестом Чернышевского, невзирая на известные разногласия, сходились в своей принципиальной оценке реакционной сущности почвеннической проповеди и рука об руку боролись против журналов Достоевского.

I

Фундаментом, на котором возводилось теоретическое здание почвенничества, было настойчиво пропагандируемое почвенниками положение, будто Россия — страна классового мира.

Этот тезис изложен с наибольшей обстоятельностью Ф. М. Достоевским в первой же книге «Времени» за январь 1861 года во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе».

«...У нас давно уже есть нейтральная почва, на которой все сливается в единое, стройное, единодушное, сливаются все сословия, мирно, согласно, братски, — утверждал Достоевский. — Если и есть несогласия, то они только внешние, временные, случайные, легко устранимые и не имеющие корней в почве нашей, и мы очень хорошо это понимаем. И начало этому порядку положено еще давно, с незапамятных времен, оно заложено самой природой в духе русском, в идеале народном, и последнее внешнее к тому препятствие уже уничтожается в наше время премудрым и благословенным царем, благословенным из благословенных за то, что он для нас делает. Нет у нас сословных интересов, потому что и сословий-то в строгом смысле не было. ...русский дух пошире сословных интересов и цензов»².

И эти утверждения выдвигаются Достоевским как раз в период революционного подъема, в годы обострения классовой борьбы в России!

«Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой все сойдется и примирится, — это всеобщее, духовное примирение, начало которому лежит в образовании»³. Так Достоевский в общей форме изложил кредо «нового направления», в котором уже можно разглядеть основные черты идейно-политического лица почвенничества, его главные устремления. Сразу же отметим, что у почвенников противопоставление России Западу, в отличие от подобного же противопоставления, красной нитью проходящего через учение революционных демократов, зиждется на антиисторической, насквозь идеалистической концепции, объясняющей самое возникновение и дальнейшее обострение классовой борьбы на Западе не закономерностями развития феодального, а затем буржуазного общества и их социально-экономических систем, а столкновением «победителей» и «побежденных». Исторический оптимизм Достоевского по отношению к России, в отличие от глубокой

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 327.

² Полное собр. соч. Ф. М. Достоевского, т. IX, часть 1, Критические статьи, изд. А. Ф. Маркса, СПб., 1895, стр. 15.

³ Там же, стр. 16—17 (Везде подчеркнуто нами.—У. Г.).

веры революционных демократов в будущее России, основанной на восточном изучении опыта русского общественного движения и на растущей революционной активности крестьянства, продиктован убеждением, что «...у нас нет галлов и франков, нет цензов, определяющих, чего стоит человек»⁴.

Правда, сам Достоевский ощущает зыбкость своего утверждения, опровергаемого фактами классового антагонизма и классовой борьбы в России. Предвидя возражения, автор программного документа почвенничества пытается подобрать веские аргументы. Он ссылается на пример солдат, храбро защищавших Севастополь, как на показатель преданности русского человека общенациональным, а не «узко-сословным» интересам, забывая, что этот солдат, т. е. крепостной в шинели, проявивший чудеса патриотизма, после Крымской войны со все большей активностью включался в борьбу против «внутренних турок» — против помещиков-крепостников.

«Всякий русский — прежде всего русский, а после уже принадлежит к какому-нибудь сословию, — утверждал Достоевский. — Не так у вас (т. е. на Западе. — У. Г.) и мы вас сожалеем. У вас бывает даже совершенно обратно. Из сословного интереса у вас предавалась иногда в жертву вся нация, и даже очень недавно, даже иногда и теперь, и даже, наверно, еще много раз будет. Значит, еще очень сильны у вас сословия и всякие корпорации»⁵.

Итак, классовые (сословные, по терминологии Достоевского) противоречия на Западе приводили, приводят и еще не раз приведут к губительным для всей нации революционным потрясениям. Россия же, по Достоевскому, застрахована от них, поскольку в общественной жизни русской нации сословная вражда якобы не пустила глубоких корней.

Нация, народ для почвенников нечто единое, цельное. Прикрываясь патристической фразеологией, Достоевский проповедует неизбежность самодержавия, венчающего монолитную нацию и являющегося якобы естественным порождением ее духа.

Таков в чистом виде взгляд почвенников на коренной вопрос русской действительности. Впоследствии, в разгаре полемики, когда была доказана несостоятельность этого взгляда, почвенники, со свойственным эклектикам пренебрежением к логике, нагромодили массу расплывчатых, туманных, а главное — противоречивых аргументов, чтобы придать весомость высказанным ими в первой программе суждениям по этому вопросу.

В третьей статье из названного нами цикла⁶ Достоевский уже признает, что «глубина пропасти, разделяющей наше цивилизованное «по-европейски» общество с народом» — неопровержимый факт. К этому факту привлечено внимание почвенников на протяжении ряда лет, и усилия их направлены на то, чтобы эту пропасть засыпать (политический смысл этих усилий ясен из того, что они уверяют, будто половина этой пропасти уже засыпана «благословенным» царем, «подарившим» крестьянину свободу). Но из вынужденного признания, что существует пропасть, разделяющая нацию на две враждебные и неравные части, признания, которое, по существу, противоречит идейным предпосылкам и установкам почвенничества, деятели «Времени» делают выводы, обратные тем, к которым пришли революционные демократы.

Уже в первом объявлении об издании «Времени», опубликованном в газетах в сентябре 1860 года, говорится о том, что все главные вопросы, ставшие перед Россией, в том числе «великий крестьянский вопрос», огромный переворот, которому предстоит свершиться, свершится «мирно и согласно во всем нашем отечестве»⁷.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 26.

⁶ Книжность и грамотность, «Время», июль, 1861.

⁷ Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского под ред. О. Миллера и Н. Страхова, СПб., 1883, стр. 178.

Почвенники старательно обходят вопрос об истинных причинах образования пропасти между отдельными классами русского общества, со счетов сбрасывается многовековая история русского народа, преднамеренно не учитываются такие факты революционной борьбы, как крестьянские войны Разина, Пугачева, Болотникова, деятельность Радищева, восстание декабристов, ибо все это не укладывается в почвеннической схеме, — игнорируется история русского народно-освободительного движения — история классовой борьбы в России.

Критика «Современником» почвенничества, развивавшая традиции Чернышевского и Добролюбова, была направлена на разрушение идиллических представлений о русском обществе, на разоблачение корыстно-классовой сути политики царского правительства и поддерживавших это правительство «образованных слоев», на внедрение в широкие массы крестьянства сознания резкой противоположности и непримиримости интересов трудящихся с интересами порабощителей. В свою очередь, революционизирующая роль «Современника», его посильное содействие борьбе крестьянства за освобождение от самодержавно-крепостного гнета воспринимались почвенниками как деятельность, якобы глубоко чуждая русскому духу и в высшей степени вредоносная. Почвенники разглядели в ней противоестественную попытку «кабинетных теоретиков» привить русскому обществу болезни, развившиеся на западноевропейской почве.

II

Почвенники утверждали, что они произнесли «новое слово», никем до них не сказанное. Они пытались «отрезвить» умы, якобы увлеченные иноземными утопическими мечтами о преобразовании России, и предложить свою программу действия, для всех приемлемую и во всем согласную с уникальностью русского национального духа. Однако почвенническая проповедь не отличалась ни новизной, ни оригинальностью, а главное, в ней не было ни грама подлинного патриотизма, являвшегося отличительной чертой всей деятельности революционной демократии.

Почвенники имели близкого идейного предшественника, из «арсенала» которого журналы Достоевского извлекли основной тезис своего учения. Этим предшественником, от которого почвенники первое время пытались отрешиваться, было славянофильство 40—50-х гг. О родстве своем с последним они во всеуслышание заявили несколько позже.

Почвенники были эпигонами славянофильства, но такими эпигонами, которые взяли у своих предшественников зерно их учения и пытались его пересадить на почву 60-х гг., отказавшись при этом от тех сторон славянофильского учения, которые сделали его посмешищем в глазах прогрессивно настроенной части общества. «Ортодоксальное» славянофильство было идеологией «помещичьих усадеб» по преимуществу. Почвенники в новых условиях, когда наметились серьезные сдвиги в классовой структуре России, перенесли центр внимания на других «хранителей вековых устоев» — главным образом на патриархальное купечество, а также на патриархальное крестьянство и городское мещанство в самом широком смысле этого слова. Большие надежды почвенники возлагали на интеллигенцию, которую призывали опомниться и соединиться с родной «почвой». Поэтому нельзя говорить о почвенничестве только как о «разновидности славянофильства». Почвенничество — специфический продукт 60-х годов, своеобразная идеологическая реакция содружества патриархальных слоев русского общества на все ширящееся движение революционной демократии. Но, отмечая изменения, произведенные почвенничеством в программе славянофильства, не следует игнорировать того факта, что методология первого идентична методологии второго.

Поскольку оба эти направления исходили из утверждения об отсутствии в России классовых противоречий, мотивируя это органическими свойствами

русского национального характера, мы вправе при анализе почвенничества пользоваться выводами, к которым пришла марксистская мысль при изучении славянофильства, а также родственного ему учения Погодина о народности.

«Краеугольным камнем» их учения,— писал Плеханов о славянофилах, сопоставляя их воззрения с воззрениями Погодина,— служил тот же самый взгляд на Россию, как на такую страну, в общественном развитии которой отсутствовал элемент внутренней борьбы. Мы ничего не поймем в славянофильстве, если упустим это из виду. И наоборот, даже философские взгляды славянофилов,— вообще представляющиеся довольно запутанными и туманными,— обнаруживают свое «достаточное основание» и потому становятся вполне ясными и стройными, как только мы взглянем на них с этой точки зрения»⁸.

Эти указания Плеханова могут быть полностью отнесены и к почвенникам. Их пресловутый либерализм сродни «либерализму» Погодина,— они также щеголяли своей готовностью приветствовать любые новшества, если только последние не противоречили «органическим устоям». Но главное, что в обоих случаях восторги, вызванные воображаемым отсутствием в России внутренней борьбы, имели своей подоплекой страх «при мысли о тех, более или менее, глубоких общественных потрясениях, без которых немислима классовая борьба, достигшая известной степени»⁹. «Они боялись классовой борьбы»,— эти слова Плеханов адресовал славянофилам. Это утверждение помогает вскрыть многое и в комплексе идейно-политических взглядов почвенничества и определяет характер полемики журналов Достоевского с «Современником», а также отношение революционной демократии к идеологам «почвы».

III

«Современник» писал о почвенничестве, которое «вздумало стать в середине между славянофилами и западниками и примирить их между собою», что у славянофилов оно заимствовало слова о народности и о негодности западной цивилизации. А под словом «народность» у славянофилов, подчеркивал Антонович, скрывалось определенное понятие: «под народностью они разумеют православие и основанное на любви и взаимном согласии и отношении между властями и подчиненными, противоположное духу рабства и мятежа, господствующему на Западе»¹⁰.

«Современник», разумеется, не мог открыто разоблачить стремление почвенников смазать классовые противоречия, характерные и для русского общества. Он не мог по цензурным причинам прямо указать и на то, что проклятия по адресу западной цивилизации, стремление отгородиться стеной от остального мира вызваны не патриотизмом и национальной гордостью деятелей журнала Достоевского, а боязнью революционных преобразований и коренной ломки насквозь прогнившего самодержавно-крепостнического уклада. Но статьи «Современника», направленные против почвенничества свидетельствуют о том, что революционные демократы отлично разбирались в реакционном характере почвеннической проповеди, демагогически прикрываемой фразами о самобытности России.

Подлинными борцами за самобытность России, за ее национальную независимость и достоинство были революционеры-демократы. «Современник» уверенно и категорически отвергал обвинения в низкопоклонстве перед «западной цивилизацией», которые журналы Достоевского предъявляли «теоретикам», вскрыв при этом одно из самых поразительных противоре-

⁸ Г. В. Плеханов, Соч., Ин-т Маркса и Энгельса, ГИЗ, М.—Л, 1926, т. XXIII, стр. 52—53.

⁹ Там же, стр. 66.

¹⁰ «Современник», 1862, № IV, стр. 262 (Подчеркнуто нами.—У. Г.).

чий почвенничества: беспрестанно теоретизируя по поводу мистической загадочности русского духа, воспевая хвалы своеобразным путям развития России, на словах преклоняясь перед мудростью «почвы», журналы Достоевского на практике слепо преклонялись перед западными авторитетами реакционного толка.

Пренебрежение к русской литературе настолько типично для почвенничества, что Н. Страхов, издавая собрание «писем Н. Косицы» и «заметки Летописца» через четверть века после закрытия «Эпохи», в предисловии к своей книге цинично заявил: «Разве можно было ожидать, что наша слабая литература и образованность, не имевшие своих корней и затопляемые постоянно наплывами с Запада, пойдут правильным путем?»¹¹

Почвенники обвиняли русскую интеллигенцию и русскую литературу в «моральном лакействе», в рабском преклонении перед Западом. Ап. Григорьев утверждал, что этой болезни не избежали и великие русские писатели, в частности Лермонтов¹².

Отрыв образованных слоев русского общества от почвы, утверждало «Время», был вызван предательством в сей интеллигенции, отдававшей предпочтение западным идеалам перед коренными русскими национальными интересами. И в этом отношении почвенники перекликались со славянофилами.

В программной статье К. Аксакова, напечатанной в первом номере «Дня», газеты, начавшей выходить, как и «Время», в 1861 г. (под редакцией Ив. Аксакова), вся русская литература была объявлена лживой, чуждой народной исторической жизни, «болеющей чужими болезнями и равнодушной к скорбям народным». Достоевский был искренне возмущен чудовищным обвинением по адресу русской литературы, якобы рабски относящейся к иноземному, но нельзя не отметить, что по существу высказывания К. Аксакова были в духе многочисленных филиппик «Времени» по адресу русской интеллигенции вообще и ее передовых отрядов в частности. Примерно так же, как Аксаков о всей русской литературе, Ап. Григорьев писал о «заблуждениях» Белинского. Н. Н. Страхов обрушивался на «теоретиков», «свистунов» и «кабинетных писак», т. е. на продолжателей дела Белинского, обвиняя их в беспочвенности, антипатриотизме и космополитизме.

Достоевский не мог простить Аксаковым их глумления над русской литературой. Но в журналах, фактическим редактором и основным автором которых он был, господствовало преклонение перед западными авторитетами.

«Современник» доказал, что учение почвенников корнями своими уходит в западноевропейскую реакционную философию. Антонович не сумел объяснить, почему националисты-почвенники на деле являются покорными последователями и учениками западной реакционной философской мысли, но он в своих статьях о «почве» вскрыл эту зависимость Страхова и Григорьева от зарубежных авторитетов — и в этом его большая заслуга.

«Время» обвиняло деятелей «Современника» в противоестественном препарировании фактов русской действительности по западноевропейским образцам. Почвенники обвиняли революционных демократов в подходе к русской жизни с точки зрения идеалов, якобы почерпнутых ими из иностранных книжек; они пытались доказать, что Чернышевский, Добролюбов и их соратники, сотрудники «Современника» («теоретики») не имеют представления о реальных нуждах русского народа. Почвенники в борьбе с идеологами революционной демократии прибегали к аргументам, взятым напрокат из западной реакционной философии. Вступая в полемику с Добролюбовым, они обвиняли его в том, писал Антонович, что «он не стре-

¹¹ Н. Страхов, Из истории литературного нигилизма, 1861—1865, СПб., 1890, стр. XI. Далее все цитаты Страхова даны по указанному изданию.

¹² См. «По поводу нового издания старой вещи. «Горе от ума», «Время», кн. VIII, 1862, стр. 41.

мился к святым чудесам Запада, и ни один из западных властителей человеческих дум не властвовал над его умом»¹³.

Деятели журналов Достоевского рассматривали отступления от достижений «властителей человеческих дум» как проявления варварства.

В этой связи уместно напомнить слова Добролюбова: «Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего они теперь дошли, мы можем питать себя лестною надеждой, что наш путь будет лучше. Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно... Что и мы на пути своего будущего развития не совершенно избегнем ошибок и уклонений,— в этом тоже сомневаться нечего. Но все-таки наш путь обеспечен, все-таки наше гражданское развитие может несколько скорей перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в Западной Европе. А главное — мы можем и должны идти решительнее и тверже... потому, что уже вооружены опытом и знаниями»¹⁴.

Для Чернышевского, Добролюбова и их учеников «властители человеческих дум» с Запада не были непререкаемыми авторитетами. Наоборот, внимательно следя за развитием европейской общественной мысли, они воспринимали ее достижения критически, руководствуясь в своей деятельности жизненными требованиями русского народа. Это, казалось бы, должно было импонировать идеологам «почвы». Но последние отлично понимали, что, говоря о жизненных потребностях и требованиях, революционеры-демократы имели в виду борьбу за освобождение России из-под самодержавно-крепостнического гнета революционным путем, что под «опытом» подразумевался революционный опыт, а под «знаниями» — материалистические знания. Это почвенников пугало, и они ополчились против «Современника», обращаясь за поддержкой к авторитетам западных «властителей человеческих дум», ревниво оберегая последних от критики со стороны революционной демократии.

«Современник» с гневом отводил от себя обвинения в космополитизме и неуважении к родному народу. Отвечая на поклеп «Времени», будто «теоретики» «хотят единственно начал общечеловеческих, верят, что народности в дальнейшем развитии «стираются, как старые монеты, что все сливается в одну форму, в один общий тип», а посему в своей ярости преследуют не только уродливые стороны национальности, но даже выставляют в уродливом виде и такие особенности народа нашего, которые именно составляют залоги его будущего самостоятельного развития, ищут одного «темного царства» и не видят светлых и свежих сторон, автор «Обзора журналов» писал: «Устыдитесь и сознайтесь, что вы говорите вздор, что вы клеветаете на «Современник», вы видите, что «Современник» не преследует хороших сторон русского быта, что одну из светлых сторон он увидел прежде вас и защищал ее тогда, как вашего журнала и на свете не было»¹⁵.

Смысл страховских обвинений по адресу русских радикальных публицистов состоял в том, что они будто бы «осыпают бранью великих людей», т. е. смело (по выражению Страхова, «необыкновенно развязно, бойко и беззастенчиво») подвергают критике исторические и философские авторитеты, перед которыми преклоняется «цивилизованный Запад»¹⁶. По мнению Страхова, русские мыслители не вправе подвергать сомнению столь авторитетные науки, как история и философия¹⁷, ибо мы, русские, «еще недавно были варварами, а быть может и до сих пор варвары»¹⁸.

¹³ «Современник», 1862, № IV, стр. 264.

¹⁴ Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., М., Гослитиздат, т. IV, стр. 407.

¹⁵ «Современник», 1863, т. 94, кн. 1—2, стр. 253—254.

¹⁶ Нечто в петербургской литературе, «Время», апрель, 1861.

¹⁷ Речь шла о знаменитых статьях Чернышевского «О причинах падения Рима» («Современник», май, 1861) и Д. Писарева, «Схоластика XIX века» («Русское слово», май, 1861).

¹⁸ Н. Н. Страхов, Из истории русского нигилизма, 1861—1865, СПб., 1890, стр. 8.

«Чуть только мы немного научились мыслить и говорить, как мы показали, что мы варвары, народ дикий. У нас нет ни науки, ни искусства, ни философии, ни истории, мы не умеем, не привыкли, не научились уважать их; вот почему мы так грубо с ними обращаемся, так мало их ценим, так легко отбрасываем»¹⁹, — так писал Страхов, «открыв причину», по которой русские передовые мыслители 60-х гг. относились скептически ко многим взглядам, имевшим широкое хождение в официальной западной науке. Причина эта «состоит в том, что наши литераторы заразились сильной склонностью мыслить самостоятельно, вполне самобытно»²⁰. Так один из основоположников почвенничества, декларативно превознося мистически понятую самобытность, духовную самостоятельность русского народа, осуждал и издевался над стремлением лучшей, передовой части этого народа мыслить и действовать самостоятельно, самобытно, осуждал революционеро-демократов, которые опирались на конкретный исторический опыт России, на ее подлинную специфику и исходили из интересов народа.

Журнал Достоевского, начав свое существование статьей, в которой пафосно прокламировалась любовь ко всему родному, почвенному, русскому, в борьбе с революционной демократией показал свое подлинное лицо, объявляя всю нашу отечественную культуру «варварской», незрелой. Ревностные защитники особого пути России на деле оказались людьми, лишенными чувства национального достоинства.

Почвенники не сумели свести концы с концами, когда речь шла о взаимоотношениях России и Запада. С одной стороны, они боялись влияния революционного Запада, с другой — искали поддержку в западных реакционных мировоззрениях, ограждая в свою очередь эти реакционные учения от критики русской революционной демократии. Вопрос о национальной самобытности они подменили вопросом о национальной исключительности.

Поскольку почвенники приносили «жертвы от почвенных русских плодов западным идолам»²¹, продолжая в то же время клеветать на деятелей «Современника» (будто бы главных виновников всеобщего преклонения перед зарубежными идеалами), последние были вынуждены развернуть бой с журналами Достоевского и на этом участке.

Огромное значение в ходе полемики имели статьи «О духе «Времени» и г. Кошиц, как наилучшем его выражении» (апрель, 1862) и «Любовное объяснение с «Эпохой» («Современник», № 10, 1864). Обе принадлежат перу М. Антоновича. Первая из них опубликована при Чернышевском. Вторая, развивающая и обосновывающая тезисы, изложенные в первой, ранней статье, принадлежит к лучшим работам Антоновича и в качестве таковой вошла в недавно изданный том его «Избранных философских сочинений» (Госполитиздат, 1945, стр. 173—194).

Выявляя философские истоки почвеннической проповеди, Антонович доказал, что статьи Страхова во «Времени» и «Эпохе» являются пропагандой целой философской системы, заимствованной у немцев. Поступив в учении Гегеля, «в умственное рабство к иноземцу», утверждает автор статьи, люди, подобные Страхову, говорящие «о национальной самобытности, об охране почвы от иноземных влияний», требующие особой «русской истины», в поисках этой русской истины целиком опираются на философскую систему, выросшую на Западе и составляющую «характеристический плод чисто немецкого ума»²². Антонович приходит к выводу, что в области философии почвенники слепо следуют за Гегелем, дурно ими понятым, и его эпигонами, в учении которых их привлекает идеализм. С этих позиций они яростно выступают против материализма Фейербаха на Западе и против

¹⁹ Еще о петербургской литературе, «Время», июнь, 1861. В книге — стр. 34.

²⁰ Там же, стр. 23.

²¹ «Современник», 1862, № IV, стр. 291.

²² М. Антонович, Избранные философские сочинения, Госполитиздат, 1945, стр. 176—177.

русского классического материализма (Белинский, Чернышевский, Добролюбов).

Вскрывая несостоятельность почвеннического гегельянства, «Современник» бросает журналам Достоевского резкое, но справедливое и обоснованное обвинение: «таким образом наши противники Запада сами в корне заражены западничеством, насквозь пропитаны неметчиной».

Таковы некоторые факты, свидетельствующие о том, что настойчивое стремление доказать недоказуемое — будто Россия страна классового мира, попытки представить «желаемое» как «сущее», поиски черт национальной самобытности не в том, в чем они в действительности выражались, подмена вопроса о национальной самобытности вопросом о национальной исключительности, недоверие к подлинно самостоятельной мысли, выраженной в России революционной демократией, и, наконец, противопоставление передовой, крепнущей идеологии, зовущей к борьбе, — своей примирительной, компромиссной, оппортунистической, — все это неизбежно приводило почвенников к низкопоклонству перед реакционным Западом. В итоге идеи почвенников представляли собою причудливую смесь воззрений, источниками которых были, с одной стороны, отечественные реакционные течения, с другой — зарубежные идеалистические учения в области философии, социологии, эстетики.

IV

Почвенники упорно игнорировали историю революционно-освободительного движения вообще и факты, свидетельствовавшие о революционном подъеме в 60-х годах, в частности.

Если в России нет классов, если России органически чуждо такое зло, как социальные революции, если в общественной жизни русский народ якобы отличается природной склонностью к повиновению, кротости и смирению, — а именно к этому сводились утверждения почвенников, — то все сложные социальные вопросы, с особенной остротой вставшие перед нашей родиной в начале шестидесятых годов, могли быть разрешены легко, безболезненно, а главное — мирным путем. Следовало только построить мостик через пропасть, которая, по трагическому недоразумению, образовалась между «просвещенными слоями» русского общества и «почвой». Усилиями царя, проводящего реформы, добрая половина этой пропасти засыпана. Дело за образованными слоями, которые должны осознать важность сближения с «почвой» и первыми совершить шаг ей навстречу. Таков ход мыслей теоретиков «почвы», целиком вытекающий из их идеалистического понимания истории и «романического» взгляда на русскую действительность. Они пытались сыграть роль инициаторов слияния двух разъединившихся частей русского общества, своеобразного синтеза образованности с органическими устоями. Целью своей деятельности журналы Достоевского избрали пропаганду единственно реального, на их взгляд, пути слияния народа в одно целое, пропаганду самого приемлемого, на их взгляд, практического выхода из создавшегося ненормального положения.

Сама по себе постановка вопроса о необходимости сближения интеллигенции с народом, само по себе осуждение разобщенности народа и интеллигенции имели реальные основания. Эти проблемы волновали в те годы не только деятели «Времени» и «Эпохи». Реформа 1861 г., проведенная «сверху» под давлением пришедших в движение крестьянских масс, новые процессы, наметившиеся в русской деревне, общая перестановка сил в русском обществе, интенсивный рост и активизация демократических сил, — все это способствовало усилению интереса к «почве», к крестьянству, к «средним» слоям.

О необходимости изучения народа и его «органических устоев», о ставшем на повестку дня вопросе сближения с крестьянством для усиления влияния на него, наконец, о зреющем понимании того, что народ — великая

сила, воздействующая на решение исторических судеб страны, — об этом свидетельствуют многочисленные выступления русской печати 60-х гг. Эти вопросы обсуждались, под известным углом зрения, и в либеральных и охранительных органах печати. Но дело в том — как оно содержание влады вало с лозунг сближения с народом, с каких классовых позиций то или иное идеологическое направление подходило к решению этого вопроса, какие при этом преследовались конечные цели.

Революционная демократия придавала огромное значение «участию» в цивилизации масс.

«Современник» изучал крестьянство с точки зрения перспектив демократической революции и участия в ней масс. Его редакцию интересовало — какую роль может и должно сыграть русское крестьянство в борьбе с самодержавно-крепостническим строем?

Так, например, во «Внутреннем обозрении», опубликованном в той же книге «Современника», в которой появилась статья «О духе Времени», под видом невинного разбора социально-этнологического очерка о немецком крестьянстве с большой определенностью выражена установка революционной демократии на овладение умами действительного большинства народа во имя революционного преобразования России.

«Современник» в понятие «сближение с народом» вкладывает принципиально иное, чем почвенники, содержание. «Современник» подчеркивает, что осознание политико-социального значения крестьянства и овладение его умами сделают революционную партию всесильной, а ее агитацию «страшной», и приводит своего читателя к выводу: опыт истории показал, что лишь пассивность крестьянства в революции спасает троны. Следует помочь крестьянству преодолеть его консерватизм во имя свержения русского самодержавия. Почвенники же считали консерватизм «почвы» высшей ее добродетелью, качеством, которое обеспечит спасение нации, что в переводе на политический язык означало спасение существовавшего общественного порядка. Более того, они по существу и не ставили вопроса о политическом и социальном значении «почвы», а рассматривали народ и его «органические устои» в абстрактно-мистическом и морально-этическом планах, что на деле опять-таки приводило их к утверждению неизбежности самодержавного строя.

Журналы Достоевского обвиняли «Современник» в игнорировании проблемы объединения «почвы» и образованных слоев. В действительности же «Современник» выступал против такого «сближения», которое должно было явиться средством укрепления прогнившего строя и лицемерным обманом закабаленного народа, против пустых фраз «о почве», против лицемерного заигрывания с народом, против обожествления народной отсталости, против прекраснотушных проектов «сближения», реальный смысл которых сводился к поддержке существующего порядка вещей: Поэтом, призывая «трудиться для удовлетворения современных нужд», для разрешения «современных вопросов, указываемых данным состоянием общества», во имя поднятия «понимания и благосостояния масс», орган революционной демократии называет «истинно передовыми деятелями» тех, кто тесно связан с народом, кто не отрешается от его коренных понятий, не убегает от него на тысячелетия вперед, оставляя его без всякого внимания, но и не отказывается от своей образованности, от идей, добытых и добываемых наукой. Истинно передовые деятели «будут, напротив, обращать свою заботливость, чтобы не давать ему (народу. — У. Г.) далеко отставать за собою». «История Европы, — продолжает обозреватель, — страдает именно тем недостатком, что массы остаются в ней без призрания и о движении их вперед никто не заботится. Что касается до нашего собственного отечества, то нельзя бросить нам образование и идеи науки, а нужно подвинуть к себе массы, обратить на это в настоящее время все наше внимание»²³.

²³ «Современник», 1862, № IV, стр. 314.

Здесь дан, на наш взгляд, очень ясный ответ почвенникам, и их программе противопоставлена революционно-демократическая программа сближения с народом. При сравнении обеих программ нам представляется необходимым, в данном случае, отметить четыре особенности.

Во-первых, программа «Современника» (а «Современник» говорил от имени мятежных масс, готовых взяться за топоры) вся устремлена в будущее, она отвергает всякую мысль о том, что сближение с народом может состояться ценою шага назад. Наоборот, контакт, который установится между «истинно передовыми деятелями» и массами, пока еще «коснеющими в невежестве», явится толчком вперед, ибо подымет уровень общества и будет содействовать всестороннему прогрессу Родины. Программа же «Времени» призывает «образованные слои» принести жертву во имя сближения с народом, призывает их стать на один уровень с «почвой», спуститься к ней. Теория «Времени» ретроспективна. «Почвенные понятия» рассматриваются ею как абсолютный идеал, «органические устои», под коими разумеются не столько плоды самобытного развития нации, сколько результаты векового рабства, принимаются ею в качестве основы для дальнейшего развития. Мы помним, что В. И. Ленин высоко ценил революционеров-демократов, и в частности Чернышевского, за их мудрую и трезвую любовь к народу, не исключаящую, а наоборот, обязательно включающую в себя непримиримую ненависть именно к результатам многовекового угнетения народа.

Во-вторых, «Современник», говоря о сближении с народом, имеет в виду не вообще «высшие слои», не вообще «образованную часть общества», а указывает на определенную часть интеллигенции (истинно-передовые деятели, другими словами — революционные демократы), которая может и должна сблизиться с народом. Здесь, таким образом, речь идет вовсе не об установлении идиллического классового мира и межсословного согласия. Сближение передовой разночинной интеллигенции с народом должно, по мнению «Современника», явиться началом подготовки народа к свершению революционного переворота в стране, ибо без этой близости, как показал опыт революционной демократии тех лет, невозможно было добиться радикальных преобразований. Разрозненные крестьянские восстания, волна бунтов, вызванная реформой, — все это в 1861—62 гг. не принесло желаемых результатов, и одной из причин того, что крестьянские волнения не вылились во всероссийскую революцию, было отсутствие тесной связи между революционизировавшимся крестьянством и его идеологами — революционными демократами.

В 1863 году «Современник» устами Щедрина с еще большей определенностью утверждал необходимость связи революционной интеллигенции с крестьянством для разрешения, как выразился Щедрин, «текущих вопросов». В «Нашей общественной жизни» в мае 1863 г. Щедрин, высмеивая тех теоретиков, которые стремились как можно дальше оттянуть момент выхода народа «на практическую арену» (т. е. на борьбу с самодержавно-крепостническими порядками), призывал искать опору, «обращаться за материалами» туда, где таковые «материалы» действительно обретаться могут²⁴. Щедрин напоминает горе-теоретикам, что крепостное право было отменено вследствие крестьянских волнений. Другими словами, «Современник» под сближением с народом имел в виду по существу революционный союз демократической интеллигенции с крестьянством.

По идее же почвенников сближение с народом должно явиться гарантией от революционных потрясений.

В этой связи нельзя не указать на третью особенность почвеннической программы. «Современник», трактуя вопрос сближения с народом, исходит в первую очередь из интересов самого народа. «Время» же, апеллируя к высшим слоям общества, всячески подчеркивает, грубо говоря, выгоду операции слияния с «почвой». Подстегивая «образованные слои», журналы

²⁴ «Современник», май, 1863, стр. 254.

Достоевского намекают на ожидающие их в недалеком будущем крупные неприятности, если они не сольются с «почвой», если они не опомнятся. Почвенники обеспокоены не столько судьбой «почвы», сколько судьбой «образованных слоев» общества, т. е. господ, эксплуататоров. И в этом отражается объективно реакционный смысл проповеди журналов Достоевского.

И, наконец, четвертая особенность, выявляющаяся при сравнении программы почвенников и «Современника». Революционные демократы не закрывали глаза на отсталость народа, веками угнетаемого и коснеющего в невежестве, искаленного социального и экономического рабством. Однако при этом их программа исполнена оптимизма, веры в силу народных масс. Разрыв, образовавшийся между просвещенными слоями и невежественной «почвой», «Современник» объясняет (пусть во многом непоследовательно) социальными и экономическими условиями жизни народа. Когда изменятся условия жизни, народ во всех отношениях шагнет вперед, достигнет значительных высот и в области просвещения (культуры).

Взгляды, пропагандируемые журналами Достоевского, сотни страниц которых заполнены комплиментами по адресу «почвы», заверениями в искренней любви к народу и восторженными гимнами народному образу жизни, взгляды «Времени» и особенно «Эпохи» на реальные возможности народа отличаются пессимизмом, скрытым недоверием к «почве» и пренебрежением к ней. Это сумел убедительно доказать «Современник» не только на основе анализа объективного смысла почвеннической проповеди, но и на конкретных фактах, взятых из руководящих статей «Времени».

«Современник» совершенно резонно видел неуважение к народу в самом абстрактном противопоставлении «почвы» «образованным слоям». Хотели или не хотели этого почвенники, но их объяснение многих национальных черт русского народа без учета «невыгодных внешних и материальных условий», в которых народ живет, писал «Современник», было клеветой на «почву».

«Почва» коснеет в невежестве, но в этом нельзя винить якобы «ограниченную и несчастную натуру народа», ибо дело упирается в отсутствие «внешних и материальных условий». Антонович следовал традиции Чернышевского и Добролюбова, доказывая в 1862 году почвенникам, что народ так же способен к развитию, как и образованные слои. Он убийственно метко бросил в адрес «Времени»: «Вот видите ли, ваш-то взгляд в существе дела очень оскорбителен для народа, а на словах вы распинаетесь за народ...»²⁵

«Оскорбительным для народа» была вся апология смирения, кротости, долготерпения, приписываемых почвенниками всей русской нации и возведенных ими в идеал. Революционеры-демократы писали о народе правду без всяких прикрас. Они страстно выступали против смиренности и покорности, в которых почвенники видели силу и своеобразие русского народа. Почвенники «удалялись от народа», ибо не выражали складом своих мнений и стремлений истинных интересов «почвы». Настоящие друзья народа в 60-х гг. — революционеры-демократы — стремились преодолеть пассивность значительных масс крестьянства, а не убаюкивать их льстивыми фразами о святости «органических устоев».

После 1862 года, когда революционный подъем был смят, когда наметился все углубляющийся раскол в самом демократическом лагере, Щедрин, борясь с почвенничеством и идейно ему близкими течениями, на страницах «Современника» дал единственно верную на новом историческом этапе трактовку вопроса сближения с народом, призывая к настойчивой, терпеливой, повседневной пропаганде революционных идей среди крестьянства и резко выступая против проповеди постепенства и малых дел. Таким

²⁵ «Современник», 1862, № IV, стр. 289.

образом и после спада революционной волны «Современник» не изменил своим принципам в этом вопросе и продолжал борьбу с почвеннической проповедью.

«Современник» критиковал почвенничество с позиций революционной демократии, с позиций крестьянской революционности и утопического социализма. Идеалисты-почвенники, отвергая необходимость широких и коренных социальных преобразований, особенно рьяно выступали против социалистических мечтаний русских революционеров-шестидесятников. При этом журналы Достоевского подвергали обстрелу не столько действительно слабые утопические стороны революционно-демократической идеологии, сколько ее сильные стороны.

Революционно-демократическим планам почвенники противопоставляли свою теорию «малых дел», штопания прорех на ветхом рубище самодержавия. Страхов утверждал: «Крупницу действительной мысли, действительной пользы я предпочитаю самым пышным мечтаниям о всеобщем искоренении зла на земном шаре»²⁶. «Научите хоть одного мальчика грамоте,— писал Достоевский,— вот вам деятельность»²⁷.

Полемизируя с «Современником», «Время» высказалось по «самым живым вопросам современности» и в этих высказываниях разоблачило себя, выявило конкретный политический смысл, заключенный в туманной и на первый взгляд отвлекенной («аполитичной», как по недоразумению писали некоторые исследователи) программе журнала Достоевского.

V

Единственным практическим мероприятием, выдвинутым «Временем», мероприятием, долженствовавшим исцелить «почву», было распространение грамотности. Обучение народа грамоте (элементарной, по всей видимости) должно было помочь, как уверяли почвенники, установлению взаимопонимания между народом и высшими слоями, содействовать их сближению. «...Один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой все сойдется и примирится,— это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании»,— писал Ф. Достоевский²⁸. «Мы уверены со своей стороны совершенно, что грамотность нравственно улучшит народ и придаст ему чувство собственного достоинства, которое, в свою очередь, уничтожит многие злоупотребления и беспорядки, уничтожит даже их возможность»²⁹. Грамотность, таким образом,— единственная панацея от всех общественных зол.

Достоевский в данном случае повторяет написанное им же в первой программе «Времени»: «Разумеется, что первый шаг к достижению всякого согласия есть грамотность и образование. Народ никогда не поймет нас, если не будет к этому предварительно подготовлен. Другого нет пути... Но, пока за образованным сословием остается его первый шаг, оно должно воспользоваться своим положением и воспользоваться усиленно. Распространение образования, усиленное, скорейшее и во что бы то ни стало — вот главная задача нашего времени, первый шаг ко всякой деятельности»³⁰.

Гора родила мышь. Громоздкое теоретическое здание почвенничества увенчалось жалкой надстройкой. Да и в этом единственном практическом мероприятии, намеченном «Временем», не было ничего нового, оригиналь-

²⁶ См. «Литературные законодатели», По поводу ст. «Литературные рабочие» «Современника», «Время», ноябрь, 1861.

²⁷ «Время», январь, 1861, Собр. соч., т. IX, ч. 1, стр. 40.

²⁸ «Ряд статей о русской литературе», «Время», январь, 1861. Собр. соч., т. IX, стр. 17.

²⁹ Там же; стр. 37.

³⁰ Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского, стр. 180. (Подчеркнуто нами — У. Г.).

ного. И это вынуждены были признать сами почвенники, ставя своей заслугой главным образом усиленную пропаганду этого мероприятия и, так сказать, его идейное обоснование. Высокопарные и глубокомысленные фразы «о почве» и сближении с народом, таким образом, привели, по верному замечанию «Современника», к более чем скромным результатам.

Но даже скромное «учение о грамотности народа»³¹ практически было несостоятельным, а разговоры «о первом шаге» сводились к топтанию на месте. Почвенническая программа не только не содействовала приближению России к осуществлению стоявших перед ней исторических задач, но, наоборот, дезориентировала общественную мысль.

«Современник» подверг уничтожающей критике воззрение «Времени» на распространение грамотности, как на «главную задачу нашего времени». «Чтобы вполне обнаружиться и принесли плод наши почвенные силы, они должны развиваться свободно и самостоятельно, — писал Антонович. — Вот ведь и сами примирители на одной странице уверяют, что грамотность самое важное дело, что она одна только может засыпать ров, отделяющий нас от народа, а на другой торжественно объявляют, что дарование новых прав народу сразу засыпало этот ров как раз наполовину. И отлично. А грамотность, согласитесь сами, когда то еще засыплет его?»³² Другими словами, путь для свободного и самостоятельного развития народа откроется лишь с коренным преобразованием общественного строя России.

«Современник» выступает против оправдания бездействия тем, что образованные слои оторвались от «почвы», а «почва» неграмотна. Не в грамоте суть дела. «В Англии, положим, много грамотных между простым народом, однако ж это не мешает им бедствовать самым отличным образом. Германия страна ученая, идеал почвенной учености, однако ж тоже страдает порядочно. Во всяком случае, значит, никак нельзя сваливать всего на почву и на грамотность»³³.

Разумеется, «Современник» восстает не против распространения грамотности и образования «почвы». О жизненной необходимости народного образования орган просветителей-шестидесятников писал неоднократно. «Современник» только подчеркивает, что «не в одной грамотности вся суть, и что вообще нам следовало бы поменьше мечтать о своей будущей великой роли исторической и заниматься тем, что поближе к нам, что дозрелу нужно нам в настоящее время, когда и проч. ...»³⁴.

«Современник» показал, что прекраснодушные мечты об образовании «почвы» логично «приводят к апатии и совершенному равнодушию в народном деле»³⁵: поскольку народ необразован, глуп, груб, невежествен, не понимает сам своих выгод, ему никак нельзя помочь, и, следовательно, необходимо ждать, пока народ «немного образуется и делается повежливее».

Полемика «Современника» с журналом Достоевского убеждает нас в том, что орган революционной демократии знал настоящую цену гуманным фразам о просвещении «почвы».

«Сначала нужно позаботиться о том, чтобы достать кусок хлеба и поесть, а потом уже можно заниматься и другими предметами, какими угодно: грамотностью, науками, искусствами и пр.»³⁶ Этот «грубый материализм» «Современника» шокировал и возмущал почвенников. «Одна будет у нас цель... — материальное благосостояние, — иронизировал Косица (Страхов), метя в «утилитаристов», главным образом — в Чернышевского и Добролюбова, — все мы будем сыты, одеты, не будем терпеть ни голода, ни нищеты, будем здоровы... И тогда, тогда, конечно,

³¹ «Современник», 1861, № 12, стр. 179.

³² Там же, стр. 182.

³³ Там же, стр. 183.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 183.

³⁶ Там же, стр. 186.

можно будет позволить себе иногда позабавиться музыкой и поэзией, или пофилософствовать на сытый желудок»³⁷.

Как видно из приведенного отрывка, почвенники в критике «утилитаризма» революционной демократии были отнюдь не оригинальны на фоне многочисленных однотипных выступлений ультрареакционной и либеральной публицистики.

В статьях «Современника» речь шла о том, что лишь коренное изменение социально-экономического положения народа откроет перед «почвой» возможности овладеть не только элементарной грамотностью, но и науками, искусствами, а не наоборот, ибо одно овладение грамотой не явится началом социально-экономического возрождения народа. Напомнив о материальных преградах, встающих перед человеком из народа, стремящимся к знаниям, «Современник» не без основания упрекал почвенников в том, что они смотрят на народ с точки зрения сытых, с точки зрения тех, кто «находится в относительно лучшем материальном положении, чем почва, и более обеспечен, чем она». «Естественное дело, что сытый голодного не разумеет»³⁸.

«Когда сообразишь все это, то становится как-то совестно и неловко требовать от народа усиленной грамотности и усиленной образованности, особенно еще когда слышишь, что от него в то же время требуют усиленного труда и работы механической, и даже приходится удивляться, что в народе, при теперешнем его положении и наличных средствах, все-таки есть грамотные люди. Должно быть, уж очень сильна была у них охота к грамоте и чтобы научиться ей, они употребляли сверхъестественные, нечеловеческие усилия»³⁹. Таким образом, «Современник» настойчиво и целеустремленно переводит абстрактную проповедь почвенников в другую плоскость, подвергает ее суровой проверке, сопоставляя с действительностью, с реальными возможностями «почвы», с ее первостепенными нуждами.

Философский оруженосец «Времени» Страхов, обвиняя «Современник» в равнодушии к «почве», пытался отмахнуться от прямо поставленного вопроса. «Современник» утверждал, что главной задачей является борьба за улучшение материального благосостояния народных масс путем коренного изменения социальных условий. Почвенники отвечали, что не это главное, ибо народ, достигший материального благосостояния, может умственно и не развиваться. «Современник» ставил вопрос конкретно в применении к современным ему русским условиям. «Время» ограничивалось абстракцией. «...народ, умственно развитый, рано или поздно, с колебаниями и неудачами, но непременно достигнет материального благосостояния. Дело не в том, чтобы мы заботились о благосостоянии народа; нужно достигнуть того, чтобы члены самого народа заботились о своем благосостоянии и умели сохранять и оберегать его»⁴⁰.

Так, Страхов с позиций идеалистической философии начал бой с «Современником», который, по его утверждению, «придает слишком большую важность материальному благосостоянию, видя в нем альфу и омегу всех помыслов о народе». Здесь намечается то поле сражений, на котором Достоевский неоднократно будет выступать против материализма и в «Записках из подполья», и в «революционном катехизисе» Петра Верховенского из «Бесов», и в споре «великого инквизитора» с Христом в «Братьях Карамазовых»⁴¹.

«Вопрос о материальном благосостоянии и вообще об устранении страданий, коим подвержено человечество, — парирует Страхов удары «Современника», — есть самый живой современный вопрос. Но поднят он уже

³⁷ Еще о петербургской литературе, «Время», июнь, 1861. В книге — стр. 37.

³⁸ «Современник», 1861, № 12, стр. 188.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Пример апатии, По поводу статьи Г. Антоновича «О почве», «Время», январь 1862. В книге — стр. 120.

⁴¹ См. статью А. Долинина, Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов, «Шестидесятые годы», АН СССР, 1940, стр. 247 и сл.

давно, о нем говорится в Евангелии... «ищите прежде царствия божия и вся сия приложится вам». Мне кажется, и ныне нет нужды изменять этого решения» (Подчеркнуто нами.— У. Г.). «Люди,— продолжает Страхов,— всегда были, есть и будут идеалистами»⁴².

Почвенники, защищая философские принципы своего учения, не оставались перед клеветой на революционно-демократический «Современник», огрубляя и извращая проповедуемый им материализм. Страхов преднамеренно приписывал революционным демократам такой материализм, с которым они ничего общего не имели. («Смешны и жалки невежественные претензии грубого материализма, который унижает высокое значение духовной стороны человека»,— писал Добролюбов)⁴³.

«Если человек почему-нибудь хорош, так именно потому, что он никогда не был доволен одной сытостью и житейскими благами, что есть блага, которые он ставит выше всякой сытости»⁴⁴. Страхов мстит Антоновичу за его едкое замечание о сытых почвенниках, не разумеющих «голодную почву». При этом Страхов метит не столько в Антоновича, которого он пытается третировать, сколько в Чернышевского. Неслучайно демагогическим рассуждениям Косицы о сытости и мнимом довольствии материальными благами предшествует выпад против «хороших книжек» Чернышевского, в которых «заключен, если не весь талисман, то по крайней мере часть его»⁴⁵.

Страхов противопоставляет революционно-демократическим материалистическим принципам подхода к действительности свою идеалистическую концепцию. «Мир управляется идеализмом. Идеализм есть величайшая сила, какая действует в человеческой жизни... В этой силе заключено самое могучее и единственное средство исцеления и возрождения. Как прежде, так и ныне исцелить и спасти мир нельзя ни хлебом, ни порохом и ничем другим, кроме благой вести»⁴⁶.

Страхову вторил Григорьев: «Есть вопрос и глубже и обширнее по своему значению всех наших вопросов,— и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о, ужас!) о политической свободе. Это вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности»⁴⁷.

Естественно, что «Современник» имел право квалифицировать почвенничество, как теорию, призывающую народ «довольствоваться малым», «учиться и стремиться к идеальным благам»⁴⁸.

В программе и проповеди почвенничества, таким образом, переплелись демагогическая защита грамотности для народа с самыми реакционными идеями, смыкавшимися с поповщиной. Результатом подобного «синтеза» явилось, и это сумел доказать «Современник», пренебрежение к насущным нуждам трудящегося большинства. «Современник» вел длительную борьбу с почвенниками, потому что деятельность последних вела к отвлечению народа от мысли о необходимости включиться в борьбу с существующим строем и о неизбежности этой борьбы. Вскрывая предательскую суть почвеннической проповеди, «Современник» расчищал народу путь к революционному действию.

VI

Недостатком критики «Современником» почвенничества является непонимание происхождения этого учения и отрицание его связи с фактами реальной русской действительности. Идеалистический просветитель-

⁴² «Пример апатии», в книге — стр. 122.

⁴³ Н. А. Добролюбов, Полное собр. соч., М., Гослитиздат, т. III, стр. 92.

⁴⁴ Н. Н. Страхов, цитир. книга, стр. 124.

⁴⁵ Там же, стр. 118.

⁴⁶ Там же, стр. 125.

⁴⁷ А. п. А. Л. Григорьев, Материалы для биографии, под ред. Вл. Княжина, изд. Пушкинского дома при Академии Наук, Петроград, 1917, стр. 270.

⁴⁸ «Современник», 1862, № IV, стр. 289.

ский взгляд на исторический процесс, на возникновение и роль идей в общественном развитии не позволил критикам почвенничества, выступавшим на страницах «Современника», вскрыть реальные связи программы журналов Достоевского с классовой борьбой 60-х гг. во всей их сложности. Лишь Салтыкову-Щедрину в процессе борьбы с журналами Достоевского удалось в известной мере, но далеко не до конца, преодолеть этот недостаток, вызванный ограниченностью самой идеологии революционной демократии. Что же касается Антоновича, то он после ареста Чернышевского не поднялся выше того уровня, на котором стоят его статьи о «почве» 1861-62 гг.

Как правило, Антонович ограничивался в своей критике почвенничества доказательствами алогичности, эклектичности, непоследовательности Достоевского, Григорьева и Страхова, не устанавливая каких конкретных общественных сил и какие противоречия самой действительности они отражают. А между тем проблемы, поднятые в программе «Времени», насквозь противоречивой, эклектичной, путаной и расплывчатой, имели под собой реальную основу. Правда, проблемы действительности почвенниками были поставлены с ног на голову.

Почвенничество явилось своеобразной попыткой ответить на вопрос, поставленный самой историей: какой путь должна избрать Россия, чтобы успешно выйти из того тупика, в который она была введена крепостной системой? Самое возникновение почвенничества объективно свидетельствовало о признании факта, что идти дальше тем путем, которым Россия шла до того, невозможно, и что самые разнообразные слои русского общества, в том числе и наиболее консервативные, патриархальные, были серьезно встревожены существовавшим порядком вещей. Выводы, к которым приходили почвенники, были насквозь антиисторичны, реакционны. Однако сама постановка проблемы была вызвана историческими событиями, в частности, поражением в Крымской войне и поднявшейся вслед за этим волной крестьянских восстаний.

Почвенники исходили не из объективного анализа конкретно-исторической действительности, а из произвольно избранного ими идеала. Почвенники тешили себя и пытались утешить других надеждами на то, что болезнь, доведшая до разложения самодержавно-крепостническое государство, не опасна, и Россия легко с ней справится, ибо заразились ею случайно от западных соседей. Почвенники пытались замазать классовые противоречия, но, вопреки своим стремлениям, они своей же проповедью подтверждали, что противоречия эти в России достигли большого напряжения, и основы существующего общественного порядка пошатнулись настолько, что даже идеологи примирения, жаждащие классового мира и боящиеся «потрясения основ», вынуждены заниматься разработкой и обоснованием новых «реформ», невольно признавая тем самым, что «великие реформы», дарованные «благословленным царем», недостаточны и явно бессильны разрешить «роковые вопросы», вставшие перед Россией. Отсюда настороженность, которую царская цензура проявляла по отношению к органам Достоевского, недоверие официальных учреждений к почвеннической проповеди, которое привело к поспешному запрещению «Времени» и препятствиям, чинимым Михаилу и Федору Достоевским при попытке основать новый журнал.

Наиболее ревностные апологеты официальных реформ не без основания усматривали в самом факте появления почвеннических теорий объективное отражение неудовлетворенности проводимыми крепостниками буржуазными реформами. Только так, нам представляется, могут и должны быть объяснены многочисленные «цензурные недоразумения» и «преследования» журналов Достоевского, на которых впоследствии спекулировал Страхов, воспевая мнимый «либерализм» и еще более призрачную «прогрессивность» почвенничества. Это ввело в заблуждение некоторых исследователей, говоривших о демократизме, прогрессивности и либерализме «Времени», но не вводило в заблуждение, — что весьма примечательно, —

сотрудников «Современника». Салтыков-Щедрин как в своих памфлетах против «Эпохи», так и в других статьях этого периода срывал с почвенников маску «мучеников» и оппозиционеров, издеваясь над глупостью царской цензуры и над поразительной трусостью примирителей-почвенников.

Что же касается оппонентов «Времени» справа (Катков и др.), то их раздражала та поза народолюбцев, которую принимали почвенники; в демагогических приемах публицистов «Времени» и «Эпохи» они усматривали уступки «Современнику». В идейном плане это была полемика внутри одного лагеря, спор велся не о существе дела, а о формах его проведения. Больше всего оппоненты почвенников справа возмущались нелепым прожектерством, которым журналы Достоевского увлеклись во времена, когда «не должно сметь свое суждение иметь».

Почвенники были в достаточной мере «реалистами», чтобы понимать, что крепостничество изжило себя. Однако будущее, которое могло принести победу революционной демократии, представлялось им в самых мрачных красках. Одновременно их страшили и те перемены, которые вносили в жизнь России победы буржуазии. Господство крупной буржуазии приводило к разорению мелких собственников, к разрушению патриархальных бытовых форм. Опыт Западной Европы в этом отношении почвенников многому научил. Поэтому они заняли промежуточную, примирительную позицию, стараясь добиться компромисса между буржуазным либерализмом и патриархальным славянофильством, чтобы вывести Россию на третий, «мирный» путь.

М. Антонович, один из самых активных участников полемики, не обратил достаточного внимания на эту реальную основу теории почвенничества, чем, несомненно, ослабил силу своих полемических ударов.

По сравнению с Антоновичем, Щедрин сделал громадный шаг вперед. Сила великого сатирика и публициста заключалась в том, что на новом этапе развития революционно-демократической мысли он был наиболее последовательным и творческим продолжателем дела Чернышевского и Добролюбова. За проповедью разнообразных идейных направлений он, как немногие из его современников, умел разглядеть корыстно-классовые интересы. Этот «партийный» взгляд помог сатирику, фактически вступившему в борьбу с почвенничеством в 1863 году, с самого же начала произнести знаменательные пророческие слова: «...вы начнете катковствовать в самом непродолжительном времени».

Заслуга Щедрина в том, что он разглядел в деятельности «Времени» и «Эпохи» первую открытую вылазку ренегата революции Достоевского и со свойственной ему принципиальностью повел борьбу с ним. Щедрин перенес акцент с разоблачения противоречивости теории «почвы» на показ вредности и реакционности ее проповеди. Он доказывал своему читателю, что деятели «Эпохи», эти бескорыстные труженики, вопиющие умиленно-унылыми голосами и присматривающиеся в то же время, как бы им приноровиться, чтобы всех прельстить смиренством да «тихим», кротким поведением»⁴⁹, не столь безобидны и аполитичны, как это может представиться на первый взгляд. Он показывал читателям, что безобидные на вид «стрижи» способны на подлости, примером чему могут служить «Записки о бессмертии души» («Записки из подполья»), написанные от имени больного и злого стрижа с главной целью доказать, что «всякий человек дрянь, и до тех пор не сделается хорошим человеком, пока не убедится, что он дрянь...»⁵⁰

Как и Антонович, Щедрин с презрением отзывался об эклектизме почвенничества, как о неотъемлемой черте этого направления.

Он порой считал излишним заниматься анализом самих взглядов почвенников. В «Отрывке из полемической статьи» он прямо заявил своим оппонентам из «Эпохи», что не хочет с ними разговаривать серьезно, а

⁴⁹ «Литературные мелочи», Собрание сочинений, т. 6, стр. 464.

⁵⁰ «Стрижи», Драматическая быль, Собрание сочинений, т. 6, стр. 467.

в памфлете «Журнальный ад» отказался решить вопрос, «откуда нашла на русскую журналистику эта туча». Дело тут не в том, что Щедрин писал с оглядкой на цензуру. Он ошибочно полагал, что для уяснения этого вопроса «не нужно лазить ни в историю, ни в разыскания современного положения общественного темперамента, ни даже в анализ наличных литературных сил»⁵¹.

И тем не менее, несмотря на эту «полемическую традицию», Щедрина удалось подойти вплотную к политической характеристике почвенничества, и в этом сказалось его неизмеримое превосходство над предыдущими критиками «Времени» и «Эпохи». Последовательный революционер-демократ, он органически не мог довольствоваться пусть и убийственными по своей сатирической заостренности, но социально недетерминированными определениями сущности почвенничества. Наиболее удачной попыткой Щедрина сорвать маску с почвенников нам представляется его изумительный по своей политической определенности и прозорливости анализ «Человека из подполья», чей бунт против идей Чернышевского, против социализма во имя неограниченной свободы личности трактовался публицистом «Современника» как логическое завершение проповедуемой в журналах Достоевского теории о стремлении человека к нравственному усовершенствованию, как об основном факторе, якобы определяющем общественный прогресс.

Наблюдения за дальнейшим развитием Достоевским идей почвенничества дали возможность Щедрину (несколькими годами позднее его полемики с «Временем» и «Эпохой») углубить характеристику этого направления, данную им в период горячих схваток с журналами Достоевского. Самый факт, что великий сатирик возвращался к полемике с почвенничеством уже после того, как направление это, с закрытием «Эпохи», формально сошло с арены идеологической борьбы, свидетельствует о том значении, которое Щедрин придавал разоблачению «сказки о почве». В «Дневнике провинциала», а затем в «Благонамеренных речах» он говорит о «наименее явных и поэтому наиболее опасных «либеральных формах обзудания», имея в виду в первую очередь пропагандируемую Достоевским теорию «почвы» (впоследствии термин «почва» часто заменялся термином «корни»).

При этом Щедрин не отказывал почвенникам в искренности, но тем опаснее он считал их проповедь. Почвенники не хотят знать «ни свидетельства истории, ни свидетельства современности», они признают в факте не факт, а «каприз человеческого своеволия».

Оценка, данная «Времени» и «Эпохе» Щедриным, является вершиной, которая была достигнута революционно-демократической публицистикой в критике почвенничества.

VII

О почвенничестве в литературоведении было принято говорить, как о направлении демократическом. Правда, в одних случаях речь шла о «реакционном демократизме» журналов Достоевского, в других — о «демократической окраске» почвенничества, в третьих — о «подверженности «Времени» демократическим идеям века», в четвертых — о «сравнительном демократизме» почвеннических органов в ряду более правых изданий 60-х гг.

Недифференцированное наименование самых разнообразных, порой явно враждебных друг другу направлений, реакционных и прогрессивных, реалистических и упадочнических, термином «демократические» неоднократно вызывало резкую критику со стороны нашей партийной печати. Обсуждая проблемы, связанные с историей русской литературы и искусства, советская печать справедливо квалифицирует подобные попытки уравнивать и согласовать действительно демократические явления в истории нашей культуры с явлениями антинародными, как пережиток буржуазного объективизма в на-

⁵¹ Собрание сочинений, т. 6, стр. 472.

шей науке. На деле эта теория «единого потока» приводит к умалению роли революционной демократии в истории развития русской общественной мысли.

Полемика «Современника» с журналами Достоевского показывает, что революционные демократы сумели разоблачить антинародный, антидемократический смысл проповеди слияния «образованных слоев» с «почвой», проповеди, в подкладке которой они, если пользоваться известным ленинским определением реформизма либералов, разглядели «стремление укоротить активность масс»⁵². Напомним в этой связи указания «Современника» на то, что учение почвенников на практике приводит к апатии, к отказу от настоящего дела, к воспеванию смиренности, кротости, пассивности. «Современник», в котором Чернышевский, по выражению Ленина, умел проводить «через препоны и рогатки цензуры идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁵³, видел в журналах Достоевского опаснейших врагов русского демократического движения.

Постоянные речи «Времени» и «Эпохи» о «почве» создавали видимость защиты интересов народных масс. Но уже «Современник» показал, что расплывчатые почвеннические понятия «народ», «народность», «почва» имели мало общего с подлинным народом. С одной стороны, Страхов утверждал, что под именем «почвы» разумеются те коренные и своеобразные силы народа, в которых заключаются зародыши всех его органических проявлений»⁵⁴. При этом признавалось, что «органическими» могут быть «самые... ненормальные и уродливые формы народной жизни»⁵⁵. С другой стороны, если судить по статьям Ап. Григорьева, носителями органических проявлений почвенники признавали не народ вообще, не крестьянские массы в частности, а «средний слой» — русское патриархальное купечество по преимуществу. Достоевский же в эти годы подчеркивал, что в его понимании народ — это не трудящееся большинство нации, а слившиеся в некое идеальное целое «почва» и «образованные классы».

Если просветители верили в общее благоденствие, искренне желали его, обращая свои взоры вперед, к тому строю, который должен был вырасти на развалинах самодержавно-крепостнического общества, и при этом искренне не видели, а отчасти не могли еще видеть противоречий в этом нарождающемся строе, то почвенники занимались фальшивой идеализацией отсталости, подкрашиванием и прихорашиванием тех самых устоев, которые разрушались поступательным ходом истории.

* * *

Таков основной круг идейно-политических вопросов полемики «Современника» с журналами Достоевского. Поскольку пропасть, которая разделяла «Современник» и почвеннические органы, явственно обозначилась в полемике по данным вопросам, переплетавшаяся с нею борьба эстетических и литературно-критических концепций только углубляла и расширяла эту пропасть. Непримирымый по отношению ко всей проповеди почвенников «Современник» обрушился на эстетические воззрения Достоевского, Григорьева, Страхова. «Современник» подверг суровому анализу литературно-критические упражнения, историко-литературные экскурсы сотрудников «Времени» и «Эпохи», а также многие художественные произведения, печатавшиеся в журналах Достоевского. Щедрин и Антонович вскрыли стремление почвенников под прикрытием на первый взгляд отвлеченных эстетических принципов и безобидных литературно-критических упражнений проводить ту же теорию либерального обуздания, те же мысли о необходимости

⁵² В. И. Ленин, Соч., т. XXX, стр. 211.

⁵³ В. И. Ленин, Соч., т. VI, стр. 144.

⁵⁴ Н. И. Страхов, Пример апатии, «Время», 1862, № 1, в книге — стр. 113.

⁵⁵ Там же.

культивировать смирение и кротость в русском народе. Полемика «Современника» с журналами Достоевского по вопросам литературным содействовала нейтрализации тлетворного воздействия почвеннических идей на читателей и служила дальнейшему развитию русского реализма.

Предшественники русской социал-демократии, революционные демократы и их боевой орган «Современник», одержали победу над разнообразнейшими реакционными теориями и в том числе над почвенничеством благодаря партийной направленности своей критики, благодаря умению, руководствуясь интересами народа, добираться до существа враждебных народному делу проповедей, прикрытых звонкими фразами. В. И. Ленин высоко ценил умение революционеров-шестидесятников срывать маски с идеологов эксплуататорских классов. «Современник» отличался бдительностью и непримиримостью по отношению к либеральному словоблудию. Эти высокие качества проявились и в борьбе против журналов Достоевского.